

СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО, СУБЪЕКТИВНОГО И СОЗНАТЕЛЬНОГО В ХОЗЯЙСТВОВАНИИ

П. ГИЛИС

Народное хозяйство нашей страны в настоящее время находится на новом этапе своего развития, в процессе которого происходят количественные и качественные изменения, порожденные научно-технической революцией. Влияние научно-технической революции на социалистическую хозяйственную систему разнообразно. Одна из сторон этого влияния — значительное изменение содержания и форм взаимодействия субъективных и объективных компонентов хозяйственной жизни. В условиях научно-технической революции значительно увеличивается роль субъективного фактора. Хозяйственные процессы все в большей степени подчиняются сознательно выдвигаемым целям. Одновременно происходит процесс объективизации хозяйственных процессов. Он выражается в том, что «вторичная природа», объективное производственное тело, состоящее из машин, сооружений, кибернетических систем, заменяет человека в выполнении все новых производственных функций и тем самым приобретает все большую самостоятельность по отношению к человеку. Эти перемены требуют глубокого теоретического осмысления и научной оценки.

Научное изучение этих изменений невозможно без соответствующего категориального базиса, без четкого представления о содержании объективного и субъективного начал. С сожалением приходится констатировать, что этот вопрос недостаточно разработан. Правда, интерес к нему постепенно повышается, и многие авторы «попутно» с исследованием «своих» частных проблем затрагивают вопрос диалектической взаимосвязи объективного и субъективного в хозяйствовании. Однако работы, специально посвященные данной теме, пока немногочисленны¹. В тех случаях, когда этот вопрос рассматривается лишь в той степени, в какой он связан с каким-то конкретным, частным вопросом политэкономии социализма, другими словами, лишь «попутно», авторы не дают глубокого анализа этой сложнейшей методологической проблемы политической экономии.

Изучение вопроса о соотношении объективного и субъективного в хозяйствовании соприкасается с вопросом о роли сознательности в хозяйственной системе. Поэтому мы сочли уместным включить этот вопрос в предмет исследования данной работы. Это тем более оправдано, что

¹ См.: *Рогачев С. В.* Диалектика объективного и субъективного в экономике развитого социализма.— М., 1979; Роль объективного и субъективного в управлении производством.— М., 1972; *Фофанов П. П.* Экономические отношения и экономическое сознание.— Новосибирск, 1979; *Абалкин Л. И.* Сочетание объективного и субъективного в процессе управления.— Вопросы экономики, 1975, № 10; *Еремич А. М.* Объективность развития экономического строя социализма и сознательная деятельность людей.— Изв. АН СССР. Сер. экон., 1976, № 5; *Сергеев А. А.* Объективный характер производственных отношений и сознательная деятельность людей в условиях социализма.— Изв. АН СССР. Сер. экон., 1975, № 4.

в политэкономической литературе еще не изжита практика отождествления субъективного и сознательного.

Вопрос о соотношении объективного и субъективного в экономической науке носит метаэкономический характер. Его можно причислить к числу вопросов «экономической философии». Он не входит в круг «чисто» политэкономических проблем, таких как, например, товарно-денежные отношения при социализме, воспроизводство и т. д. Решение вопроса о том, как проявляется диалектическое, противоречивое единство объективного и субъективного в экономике, должно осуществляться на более высоком уровне абстракции, чем «традиционные» проблемы политической экономии социализма. Принципиальное его решение дается на уровне абстракции марксистско-ленинской философии. Политическая экономия должна конкретизировать это решение для области экономических явлений. Конкретизация фундаментальных выводов философии требует знания как философских основ решения данного вопроса, так и конкретных экономических условий, для которых конкретизируются общие выводы диалектического и исторического материализма.

Одной из наиболее распространенных ошибок при рассмотрении проблемы соотношения объективного и субъективного в хозяйственных процессах является их абсолютное противопоставление. В таких случаях считается, что каждое явление может быть либо объективным, либо субъективным вне зависимости от его места в общественной жизни, времени, вне зависимости, наконец, от аспекта, в котором это явление исследуется. При таком подходе к вопросу одни явления навсегда включаются в область объективного, другие — в область субъективного.

Между тем, основоположники марксизма-ленинизма неоднократно обращали внимание на относительность противоположности субъективного и объективного.

Часто абсолютное противопоставление субъективного и объективного проводится в рамках основного вопроса философии, т. е. вопроса о соотношении материи и сознания. Материальное нередко в таких случаях отождествляется с объективным, а сознательное — с субъективным. Рассмотрим этот вопрос.

Как известно, В. И. Ленин считал, что абсолютное противопоставление материального и сознательного (идеального) допустимо лишь в пределах решения основного вопроса философии. По этому поводу он писал: «Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»².

Общезвестно, что для решения каждой теоретической проблемы должны существовать определенные категориально-методологические предпосылки. Общепринято также считать, что каждое такое решение проводится на определенном категориальном уровне. Иначе говоря, для каждой проблемы существует соответствующая система категорий, находящаяся на определенном уровне обобщения. В связи с этим можно говорить, что какие-то проблемы, не решаемые на данном категориальном уровне, на данном уровне абстрагирования, носят по отношению к нему или слишком общий, или слишком конкретный характер. Эти проблемы, не решаемые с помощью данных категорий, также могут представлять собой совсем другой аспект действительности, который не отражается в этих категориях.

В связи со сказанным можно сделать вывод, что решение основного вопроса философии невозможно на уровне категориального ряда способа производства, т. е. на уровне категорий политической экономии. Эти

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 151.

категории находятся на более низком уровне обобщения, чем этого требует данная проблема. «Теоретическая формулировка основного вопроса философии,— пишет В. С. Барулин,— предполагает четкое и определенное разграничение материального и идеального... На уровне ряда способа производства подобную поляризацию материального и идеального методологически произвести еще невозможно. Здесь нет еще достаточных категориально-методологических предпосылок...»³

С другой стороны, следует отметить, что решение основного вопроса философии не должно распространяться на нижние уровни обобщения, в том числе и на категориальный уровень политической экономии. К сожалению, как подчеркивает В. С. Барулин, еще нередко «разграничение на общественную реальность и идеальное, а также раскрытие соотношения между ними в плане абсолютного противопоставления, т. е. в аспекте решения основного вопроса философии, производится на уровне категорий, составляющих ряд способа производства. В результате такого подхода способ производства иногда трактуется так, что исключается наличие элементов сознания в этой сфере»⁴.

Стремление исключить из области экономических явлений элементы сознания связано с тем, что, по мнению некоторых авторов, включение сознания в способ производства и другие экономические категории означало бы отход от материалистического понимания общества. Здесь налицо желание основной вопрос философии «приспособить» к уровню политэкономических категорий. Как показывает опыт, стремление придерживаться абсолютного противопоставления материального и идеального на уровне категорий политической экономии приводит к отрицательным, а порой даже парадоксальным последствиям.

Резюмируя сказанное, отметим, что парные понятия «материальное»—«идеальное» («сознательное») предназначены для одной цели — решения основного вопроса философии. Это строго определенное назначение данных научных категорий делает невозможным, неуместным их использование для решения других познавательных проблем, в том числе и для проблемы соотношения объективного и субъективного в политической экономии социализма. Парные понятия «материальное»—«идеальное», «объективное»—«субъективное» выполняют вполне самостоятельные познавательные функции, так как используются для отражения близких, но автономных аспектов действительного мира.

Понятия «субъективное» и «объективное» являются производными от понятий «субъект» и «объект». Субъективным можно считать то, что исходит от субъекта как такового, что зависит от его воли. Объективное — это то, что исходит из объекта познавательной и практической деятельности людей, что не зависит от воли субъекта.

Очень важно заметить, что не все в деятельности субъекта зависит от его воли. Многие элементы практической и познавательной деятельности человека продиктованы не зависящими от него физическими, биологическими и социальными условиями. С другой стороны, субъект наделен определенной свободой выбора при формулировании целей, подборе средств и способов своей деятельности. Иными словами, существуют определенные моменты, аспекты его деятельности, которые подвластны его воле. В связи с этим можно выделить объективные и субъективные факторы детерминации человеческой деятельности⁵.

Болгарский философ П. Гиндев считает, что «субъективные моменты в сознании, согласно диалектическому и историческому материализму,

³ Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе.— М., 1977, с. 88—89.

⁴ Там же, с. 89.

⁵ См.: Черкасова Г. К. Объективные и субъективные факторы детерминации человеческой деятельности.— Вестник МГУ. Философия, М., 1972, № 4.

зависят от структуры и потенциальных возможностей нервной системы человека, от способностей индивида — субъекта познания и его практического опыта и знаний, от исторических особенностей общественной практики для данного времени»⁶. Словом, субъективное связано с конкретными чертами субъекта, с конкретными условиями, т. е. находится ближе к поверхности реальной действительности, в то время как объективное относится к глубинным слоям действительности, природа которых может быть понята лишь благодаря человеческой способности абстрактно, теоретически мыслить. Субъективность связана с индивидуальными чертами субъекта, в то время как объективность связана, в первую очередь, с общими чертами и общими условиями его жизнедеятельности. Вместе с тем следует подчеркнуть, что недопустимо смешение субъективного и поверхностного, конкретного, а также объективного и глубинного в экономике. Выше мы говорили лишь о взаимосвязи, но не о тождестве этих сторон экономической действительности.

Понятия субъективного и объективного тесно связаны с понятием управляемости. Субъективным может быть лишь то, что поддается управлению с точки зрения рассматриваемого субъекта. Объективные с точки зрения этого субъекта экономические явления не могут быть управляемы им. Управляемы только явления, поддающиеся изменениям по воле субъекта.

Понятия «субъект» и «объект» носят относительный характер. Тот, кто в одних условиях и с определенной точки зрения является субъектом, в других условиях и с другой точки зрения будет выступать как объект. И наоборот, что в одном случае рассматривалось как объект деятельности, в другом случае должно восприниматься как субъект. Например, человек, являясь субъектом своей деятельности, с точки зрения общества как совокупного субъекта выступает в качестве объекта его познавательной и практической деятельности.

Относительность понимания объекта и субъекта объясняется иерархической структурой общества. В обществе существует «лестница», иерархия социальных субъектов. Каждый из них является субъектом лишь с точки зрения той ступени иерархической лестницы, на которой находится данный субъект, и ступени низшего ранга. С точки зрения высших ступеней он воспринимается как объект воздействия.

Относительность противопоставления объекта и субъекта объясняется еще и тем, что в различных случаях люди исполняют разные социальные роли. Исполняя одни роли, человек (или группа людей) может выполнять руководящую работу, находиться на верхних ступенях иерархической лестницы и таким образом выступать как субъект, исполняя другие, он может претворять в жизнь приказания других людей. В этом случае он находится на нижних ступенях общественной лестницы и входит в объект деятельности субъектов более высокого ранга.

Относительность понятий субъекта и объекта предопределяет относительность разделения экономической системы на субъективное и объективное. «Нет объекта и субъекта, и, следовательно, объективного и субъективного факторов безотносительно к чему-либо,— пишет Ю. Чуньков.— Если, например, рассматривать материальное производство как процесс взаимодействия природы и общества, то в качестве объективного фактора выступает природа, а роль субъективного играет общество в целом. Если же пределы соотношения объективного и субъективного сузить до общества, то уже в нем обнаружится объективное и субъективное, хотя в другом отношении оно выступает только в одном качестве. Производство материальных благ... представлено также другим соотношением объективного и субъективного. Объективным фактором, как известно, выступают предметы и средства труда, а субъективным — трудящийся,

⁶ Гиндес П. Философия и социальное познание.— М., 1977, с. 14.

носитель способности к труду. Следовательно, при рассмотрении объективного и субъективного факторов в экономике должна происходить конкретизация этих понятий. Это связано с тем, что в реальной действительности возникает каждый раз новая исходная база и сфера их взаимодействия»⁷.

Мысль об относительности понимания субъективного и объективного можно проиллюстрировать целым рядом других примеров. Так, организующая деятельность социалистического государства выступает по отношению к отдельным работникам и коллективам социалистических предприятий как объективное условие их трудовой деятельности, ибо она не зависит от воли этих субъектов, находящихся на более низкой ступени иерархической лестницы. В другом же отношении социалистическое государство выступает как субъект управления социалистической экономикой, и в этом смысле в его деятельности легко обнаружить субъективные элементы. Иначе говоря, то, что с точки зрения государства является субъективным, с позиций класса, производственного коллектива и тем более отдельного работника окажется объективным.

Относительная противоположность объективного и субъективного проявляется не только в пространственно-функциональном, но и во временном разрезе. То, что когда-то являлось объективным, спустя некоторое время может оказаться субъективным. Это связано с тем, что человек со временем осваивает когда-то бывшие неподвластными ему стихийные силы природы и общества и делает их объектом управления. С познанием природы какого-нибудь явления открывается возможность подчинить его целям человека или общества в целом как субъектам.

Дальнейшее изучение вопроса требует разъяснения различия и, следовательно, содержания понятий «субъективное» и «сознательное». Как уже говорилось, нередки случаи, когда эти понятия смешиваются политиками, в результате чего создаваемые авторами, допускающими такой методологический промах, теоретические построения искажают реальную действительность, являются внутренне противоречивыми. Обычным результатом отождествления субъективного и сознательного является противопоставление сознательного и объективного, что противоречит марксистско-ленинскому учению об обществе.

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» научно сформулировал мысль о возникновении с появлением человека и общества второй формы объективных процессов. Первой и изначальной формой таких процессов являются естественные природные процессы, второй формой — общественные процессы. Выделяя две формы объективного процесса, природу (механическую и химическую) и целеполагающую деятельность человека, В. И. Ленин указывал на необходимость изучения соотношения этих форм⁸. Здесь В. И. Ленин совершенно четко сознательную деятельность людей относит к категории объективных явлений.

Если эту проблему рассматривать в общем плане, т. е. в плане сравнения природы и общества с точки зрения их объективности, то совершенно очевидно, что объективны и природные и общественные процессы. В этом смысле общество — это объективно, закономерно возникающая форма материи, ее функционирование и развитие подчинено действию объективных законов.

Однако при более конкретном рассмотрении общества в нем, в отличие от природы, можно выделить объективное и субъективное, а также сознательное и стихийное. В природе такого деления нет. Там все процессы объективны и подчинены стихийному действию законов природы.

⁷ Чуньков Ю. Взаимодействие объективного и субъективного в экономике.— Экономические науки, 1979, № 12, с. 15.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 170.

Существование субъектов, которые сознательно преследуют определенные цели, делает исследование социальных, а значит, и экономических явлений более сложным.

Для преодоления этих гносеологических трудностей важно иметь в виду то, что, как уже отмечалось, не все в деятельности субъекта является субъективным, что в сознательной деятельности человека и общества в целом существуют элементы объективные, продиктованные необходимостью, и субъективные, порожденные случаем и индивидуальными чертами субъекта.

Сознательность хозяйственной деятельности не означает, что эта деятельность является субъективистской, проявлением волюнтаризма, что сознательный характер активного освоения человеком окружающего мира равносильна свободе от законов природы и общества. «Человек в процессе производства,— писал К. Маркс,— может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы»⁹. Сознательная деятельность людей по производству, распределению, обмену и потреблению экономических благ всегда, в конечном счете, соответствует требованиям экономических законов. Можно даже сказать, что она сознательной и является лишь постольку, поскольку она отражает эти требования. Если определение целей и составление программ их осуществления происходит без учета требований объективных экономических законов, то в таких случаях теряется объективная основа экономической деятельности, вследствие чего она становится волюнтаристской. Такая деятельность не отражает действительного, закономерного движения объекта, а противоречит естественному направлению этого движения. В ней много элементов неосознанности, стихийности. Такая экономическая деятельность не может быть названа сознательной, потому что в ней не осознается реальность.

В сознательной хозяйственной деятельности можно выделить субъективную и объективную стороны, т. е. то, что исходит от субъекта и то, что определяется объектом. Причем, субъективное в экономической деятельности не обязательно связано с ошибками, стихийностью¹⁰. Известно, что человек имеет определенную свободу при выборе целей и способов их осуществления. Пользуясь предоставленной ему объективными условиями свободой выбора, он не нарушает объективного хода событий и в то же время действует «от своего имени», от себя как субъекта. При выборе конкретных целей и способов деятельности в предоставленных ему экономическими законами пределах свободы человек выражает себя как субъект. В этом как раз и проявляется субъективность сознательной экономической деятельности.

Из вышесказанного следует, что сознательная экономическая деятельность имеет объективную и субъективную стороны. Эта деятельность является объективной по своему содержанию, ибо она отражает действие объективных экономических законов, экономическую необходимость. В то же время экономическая деятельность субъективна по своей форме. Субъективной эта деятельность является в той мере, в какой она зависит от воли, от конкретного выбора субъекта¹¹.

Отождествление субъективного и сознательного неизбежно приводит к противопоставлению последнего объективному. Это, в свою очередь, приводит к нежелательным последствиям при решении многих частных

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 51—52.

¹⁰ Мы далеки от мысли отождествлять субъективное и стихийное. Это было бы такой же ошибкой, как отождествление субъективного и сознательного или объективного и стихийного.

¹¹ В связи со сказанным можно конкретизировать понятие объективности. Объективное включает в себя все, что не входит в сознание людей, и все в самом сознании, возникающее независимо от их воли и желания, все, что идет от объекта.

проблем политической экономии. Взять хотя бы проблему планомерности социалистической экономики.

Так, например, И. И. Кузьминов критикует некоторых авторов за то, что планомерность они понимают как сознательное использование экономических законов, а не как объективные отношения людей в процессе производства¹². Рассмотрим эту точку зрения. Как уже указывалось, в сознательной хозяйственной деятельности можно выделить и объективную и субъективную стороны. В свою очередь, объективные экономические процессы могут носить как стихийный, так и сознательный характер. Если же из области объективных экономических процессов исключить сознательные, то получится, что объективное совпадает со стихийным. Рассуждая так, приходим к парадоксальному выводу. Считая планомерность объективным явлением, что, конечно, соответствует действительности, мы должны признать, что она относится к сфере стихийного. Основываясь на неправильном категориальном базисе, даже рассуждая по всем законам логики, мы уже не сделаем правильного вывода.

Если исходить из того, что планомерность социалистической экономики не является результатом сознательной деятельности людей по управлению экономической жизнью, то «гарантами» планомерности можно считать лишь две причины. Планомерность функционирования и развития социалистической экономики обеспечивают либо слепые, стихийные силы общественного самодвижения, либо «господь бог». Других вариантов нет. Из сказанного следует, что, противопоставляя планомерность сознательности, легко оказаться на позициях экономического фатализма или идеализма.

Некоторые авторы, стремясь избежать этого, приходят к искусственным, лишенным и теоретического и эмпирического основания выводам в решении и целого ряда других проблем экономической теории. К ним можно отнести проблему включения науки в состав производительных сил, проблему соотношения духовного и физического в содержании процесса труда, проблему содержания экономических интересов и экономических потребностей, проблему включения экономического управления в предмет политической экономии и т. д.

Так, например, еще немалая часть политэкономов придерживается мнения (или, по крайней мере, это следует из их концепций), что экономические интересы и экономические потребности — это экономические явления, не имеющие ничего общего с человеческим или вообще с общественным сознанием¹³.

¹² Кузьминов И. И. К вопросу о регуляторе социалистической экономики и механизме действия экономических законов.— В кн.: Экономические законы социализма и хозяйственное руководство. М., 1971, с. 184.

¹³ Такого мнения, например, придерживается С. Афанасьев (см.: Афанасьев С. Экономические интересы, их взаимодействие в социалистическом обществе.— Экономические науки, 1980, № 7, с. 3). Он пытается провести грань между такими признаками экономических интересов, как их объективность и материальность. В связи с этим он пишет: «Материальность интересов находит выражение в их принадлежности к миру, лежащему вне нашего сознания. Объективность же распространяется на определенную область сознания, если последняя верно отражает эту объективную реальность». Автор, безусловно, прав в своем определении объективного. Однако из этого также следует, что если исследователь стоит на позициях материализма, он должен считать, что экономические интересы, будучи материальным явлением, не входят в область общественного сознания.

Конечно, нельзя не согласиться с С. Афанасьевым, что признаки объективности и материальности различаются между собой (отождествление этих двух понятий еще нередко встречается в экономической литературе). Однако автор не прав, когда старается отнести признак материальности к категории, которая «не участвует» в решении основного вопроса философии, предназначена для решения более конкретных научных проблем, которая, используя терминологию В. С. Барулина, является категорией более низкого категориального ряда.

Логика рассуждений такова. Раз экономические интересы и экономические потребности являются экономическими категориями, значит, они должны отражать объективную (некоторые совсем некстати добавляют — материальную) сторону экономической жизни. Если же это явление объективно, значит, сознанию в нем места нет. В противном случае мы, дескать, отошли бы от материалистического понимания экономической действительности. На первый взгляд, безукоризненное теоретическое построение основывается на неправильной предпосылке, на неправильном категориальном базисе.

Да, если в объективном мире нет места сознанию и, наоборот, в сознании нет ничего объективного, экономический интерес и экономическая потребность как категории науки, отражающие существенные, объективные стороны экономики, не должны иметь ничего общего с человеческим сознанием. Словом, получается, что экономический интерес и экономическая потребность — это что-то находящееся вне сознания человека.

Но полученный вывод явно противоречит реальным фактам. Ведь человеческий интерес к чему-то или его потребность в чем-то являются не физическими, не химическими или какими-то другими, а психическими явлениями, которые существовать вне сознания, помимо сознания, «рядом» с сознанием не могут. Человеческие интересы и потребности отражают его, **сознательное** отношение к среде, к объектам этой среды. Гегель, определяя содержание потребности, говорил, что потребность есть **чувственное** противоречие, имеющее место внутри самого субъекта, которое является отражением реального противоречия между субъектом и объектом. По словам Гегеля, это отношение субъекта к объекту не является чем-то сугубо случайным, индивидуальным, субъективным, а выступает в качестве необходимого момента, ибо всегда «субъект усматривает в объекте свой собственный недостаток, свою собственную односторонность — видит в объекте нечто принадлежащее к его собственной сущности и, тем не менее, ему нехватяющее»¹⁴.

Здесь со всей очевидностью вырисовывается позиция великого мыслителя. Он, считая потребность явлением, относящимся к миру человеческого сознания, тем не менее был далек от мысли, что она является чисто субъективной. Он видел в потребности момент необходимости, объективности. В чувственном противоречии человека с миром существует объективная основа — противоречие между ним и окружающей его средой. Другими словами, он видел в человеческих потребностях диалектическое, противоречивое единство объективного и субъективного.

Конечно же, политическая экономия, занимающаяся исследованием объективных законов функционирования и развития социалистической экономики, не ставит целью изучение субъективной стороны экономических интересов и потребностей. Эта сторона представляет (с точки зрения, конечно, политэкономии, ибо с позиции другой научной дисциплины существовали бы другие критерии) случайные, поверхностные, несущественные, незакономерные моменты экономической жизни. Политическая экономия, выделяя **объективные** признаки экономических интересов и потребностей, определяет содержание этих экономических категорий.

Как правило (и это видно из вышеприведенного примера), возражения против включения элементов сознания в сферу экономических явлений основываются не на каких-то конкретных фактах, указывающих на невозможность такого включения. Они упираются на соображения философского порядка. Эти возражения, как уже говорилось, порождены желанием некоторых политэкономов, упрощенно понимающих материализм, «защитить» нашу науку от нематериалистического понимания эко-

¹⁴ Гегель. Соч., т. 3, с. 218.

номической жизни. Однако, если мы будем употреблять категорию материи там, где это уместно и неуместно, наша позиция не станет «более» материалистической.

Сознательность — это также относительное свойство человеческой деятельности. Относительность эта проявляется в двух аспектах. Во-первых, субъект экономической деятельности никогда до конца не осознает целей, способов и результатов этой деятельности. Отражение реального мира в сознании всегда носит неполный характер, в этом отражении всегда есть элемент неточности. Результат деятельности также, хотя минимально, но всегда отличается от запланированного, предвиденного.

Во-вторых, существует иерархия уровней сознательности. Как известно, существует индивидуальная, групповая, классовая, общественная сознательность. Поэтому от уровня описания экономических явлений будет зависеть, каким следует считать тот или другой акт экономической деятельности — сознательным или, наоборот, стихийным.

То, что с точки зрения отдельного производителя или коллектива производителей представляется сознательным, с точки зрения всей экономической системы оказывается стихийным. «В смысле индивидуального сознания,— пишет Ю. А. Харин,— человек всегда действует сознательно, ставя перед собой определенные цели и добиваясь их реализации. В общественном же развитии сознательность должна рассматриваться под углом зрения не индивидуального, а общественного сознания. Сознательной деятельностью в истории является такая, которая отвечает не только индивидуальным целям участвующих в ней людей, но и общим целям членов данного класса или общества»¹⁵. И которая соответствует естественному, объективному направлению развития общества, добавили бы мы.

Отожествление субъективного и сознательного и исключение сознания из сферы объективных экономических процессов приводит к другой методологической ошибке. Следуя данной логике, можно прийти к выводу, что экономическое развитие происходит как бы вне зависимости от сознательной деятельности людей. Однако общественный прогресс тем и отличается от развития в природе, что его «двигателем», главной движущей силой является сознательное и активное отношение человека к окружающей его природной и общественной среде. Человек, развивая свои способности, совершенствуя средства производственной деятельности, меняет характер функционирующих в обществе производительных сил, что, в конечном счете, приводит к изменению производственных отношений как способа организации производительных сил, как экономической структуры общества. Это положение тем более относится к социалистическому обществу, в котором роль сознания несравнимо выше, чем в предшествовавших способах производства.

Исключение элементов сознания из экономического базиса, как правило, сопровождается перенесением всего общественного сознания в область общественной надстройки. В таком случае обычно рассуждают следующим образом: экономический базис — это объективное, надстройка — сознательное и субъективное.

Такая трактовка соотношения экономического базиса и надстройки не может быть признана правильной. Во-первых, экономическую действительность нельзя представить себе без сознательной деятельности людей, производящих экономические блага; во-вторых, надстройка, как и базис, имеет свои объективные свойства. По этому поводу А. М. Еремин замечает: «Когда Я. А. Кронрод пишет, что экономические отношения объективны, а государственные формы управления экономической, наоборот, субъективны... то такое противопоставление как бы отрицает существование субъектов экономических отношений, а с другой стороны,—

¹⁵ Харин Ю. А. Диалектика социального отрицания.— Минск, 1972, с. 96.

объективность государственности»¹⁶. Вряд ли кто будет возражать, что как сама надстройка в целом, так и ее отдельные области имеют свои объективные законы функционирования и развития.

К сожалению, следует констатировать, что ошибочное противопоставление объективного и сознательного еще окончательно не преодолено, не изжито. Об этом свидетельствует и новая статья Я. А. Кронрода, в которой он снова, как и в более ранних работах, выступает против включения духовных элементов, элементов сознания в сферу, как он говорит, «материальных производственных отношений»¹⁷. С другой стороны, следует признать, что большинство советских политэкономов, в том числе Л. И. Абалкин, Д. М. Гатовский, И. Бровер, В. Олигин-Нестеров, А. А. Сергеев придерживаются противоположного мнения, допуская возможность включения сознания в область экономических явлений.

В заключение следует отметить, что исследование проблемы соотношения объективного, субъективного и сознательного в хозяйствовании требует корректного обращения с этими научными категориями.

При решении этой и смежных проблем следует иметь в виду, что в науке существует целый ряд сходных, взаимосвязанных и тем не менее самостоятельных парных понятий: «материальное»—«идеальное», «субъективное»—«объективное», «сознательное»—«стихийное», «базис»—«надстройка». Эти понятия появились с возникновением совершенно определенных, конкретных познавательных проблем. Для их изучения эти понятия и должны применяться: «материальное» — «идеальное» — для решения основного вопроса философии; «субъективное» — «объективное» — для решения вопроса о том, что зависит от субъекта, что ему подвластно и что не подчиняется его воле, другими словами, что исходит от субъекта и что — от объекта; «сознательное» — «стихийное» — для разграничения двух видов общественных явлений: появляющихся как выражение целепологающей деятельности людей, как заранее предвиденный результат этой деятельности и возникающих в результате слепой игры необходимости и случайности; «базис»—«надстройка» — для разграничения общественной действительности на экономическую и неэкономическую стороны.

Применение этих парных понятий для изучения других проблем означает их употребление не по назначению. Такая практика может привести лишь к «загрязнению» политической экономии неверными постановками теоретических вопросов, ошибочными концепциями, излишними дискуссиями.

Вильнюсский госуниверситет им. В. Капсукаса
Межфакультетская кафедра
политической экономии

Редколлегии вручено
в мае 1980 г.

¹⁶ Еремич А. М. Объективность развития экономического строя социализма и сознательная деятельность людей.— Изв. АН СССР. Сер. экон., 1976, № 5, с. 16 (сноска).

¹⁷ Кронрод Я. А. Актуальные проблемы исследования экономического базиса.— Вопросы философии, 1979, № 12.